

Наумов Николай Иванович

**В забытом краю. Рассказы из
быта сибирских крестьян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович Н.**
В забытом краю. Рассказы из быта сибирских крестьян / Наумов Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 320 с.

ISBN 978-5-519-98705-9

Содержание: Поскотник; Зажора; Горная идиллия; Деревенский аукцион; Святое озеро; Ночь на озере; Один из способов сближения с народом; Фургонщик

ISBN 978-5-519-98705-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

кахъ и затылкѣ. Коротенькая, слегка окладистая борода и щетинистые усы скрывали нижнюю часть лица его, которое вообще было крайне блѣдно и изрѣзано морщинами. Сначала я не обратилъ вниманія на Ларіона и только случайно, пристально взглянувъ въ лицо его, неожиданно увидѣлъ легкую, едва почти замѣтную синеву на щекахъ его и на лбу, обозначающую роковыя буквы: на правой щекѣ К, на лбу А и на лѣвой щекѣ Т. Это былъ поселенецъ изъ каторжныхъ, отбывшій опредѣленный срокъ работъ. Замѣтивъ, что я пристально смотрю на него, старикъ нисколько не смутился и въ свою очередь не сводилъ съ меня своихъ сѣрыхъ, прищуренныхъ глазъ. Онъ былъ въ одной рубахѣ грубаго холста, довольно уже заношенной, въ портахъ, спускавшихся немного ниже колѣнъ, и босой.

— Ну што-жь ты сталъ... што ты не ѣдешь-то?.. крикнулъ онъ, обратившись къ ямщику. Вишь, вѣдь молоко изошло на губахъ не обсохло, а ужъ табакъ сосеть... Трогай... чего безъ пути торчать-то! крикнулъ онъ и, поглядѣвъ плотно ли заперты ворота поскотины, почесалъ себѣ поясицу и полѣзъ въ землянку.

— Осерчалъ старина-то! Видать, кто ни на есть разбередилъ его за день-то, произнесъ ямщикъ, усаживаясь на облучекъ и трогая лошадей. Ужъ поворчать это любить, говорилъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ. А душа, слышь, старикъ-то... не гляди, што бранчивый...

— Онъ поселенецъ? спросилъ я.

— Посельщикъ... изъ каторжныхъ, слышь... Годовъ ужъ пять будетъ время-то, какъ живетъ здѣсь... За убивство въ каторгѣ-то былъ... Мужики-то, слышь, здѣшніе сказывали, што поглядѣли разъ въ банѣ на спину-то его, такъ ужасти, говорятъ, подобно... такая эта страсть взяла ихъ, не доведи Господи, сказываютъ! горячо жестикулируя правою рукою, пояснилъ онъ.—Съ первоначалу-то какъ глянули, говорятъ, и не въ примѣту было—тѣло, какъ тѣло... а въ пару-то это,

слышь, въ тепломъ-то духѣ—оно, видать, отошло што-ли, такъ словно, говорятъ, спина-то вся кровью полита. Ну, какъ не возьметъ ужастъ—по себѣ посуди.

— Отчего же это?.. прервалъ я.

— Отъ плетей, рассказываетъ... плетями вѣдь его бучили... пояснилъ парень. Не легкое же, видать, братъ, дѣло.... О-охъ... не доведи Господи! съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ, покачавъ головою. Въ ину пору теперь рассказываетъ... едва, говорить, ноги волочу... вотъ оно сколь легко видать, а!..

— Чѣмъ же онъ занимается, живя здѣсь?

— Старъ ужъ... чѣмъ заниматься-то?.. Силенки-то тоже, братъ, поубыло; въ каторгѣ-то, поди не миловали!.. Лѣто вотъ въ поскотникахъ бьется—десять рублей ему за лѣто общество-то платить—на готовомъ харчѣ... А зимой-то кое у кого по хозяйству подсобить, аль-бо што... ну и кормять... Тавлинка дѣлаетъ теперя...

— Какія тавлинки?..

— Подъ табакъ... вотъ что нюхаютъ... табатерки, штоль—сказать-то тебѣ!.. Мы-то ихъ тавлинками зовемъ... И столь-то онъ это, братецъ, наострился дѣлать ихъ... а-ахъ... ты шутъ его... На иную, слышь любо глядѣть...

— Изъ чего же онъ дѣлаетъ ихъ?..

— Изъ бересты... да такъ-то приузорить, слышь, што любо-два!.. Нонѣ, рассказываютъ, отцу Микитѣ, попу здѣшнему, такъ церковь, слышь, на тавлинкѣ-то вырѣзалъ и домъ его, попа-то, какъ есть вотъ въ явѣ обнатурилъ. Мало ль дивились... и-искусникъ! Теперича у него этихъ тавлинокъ сколь торговцы-то покупаютъ, да въ городъ возятъ на продажу.

— И хорошо платятъ ему?

— Ужъ гдѣ, поди, не платятъ!.. Она вотъ и малая вещь, а тоже вѣдь за ней посидѣть надоть, покорпѣть... пла-а-тятъ!.. протянулъ онъ.

— А не боятся его, а?.. Худаго за нимъ ничего не при-мѣчаютъ?.. полюбопытствовалъ я.

— Съ первоначалу-то оно, што грѣха таить, оглядыва-лись за нимъ... Узоръ-то на лицѣ тоже всякому глазъ ко-лолъ... остерегались!.. Вѣдь Богъ его знаетъ, каковъ онъ... въ каторгу-то, поди, не даромъ плюють. Но только, братецъ, все это занапрасно сумнѣніе на человѣка клали... ду-у-шев-ный старикъ, ворчливый—это поискать такихъ, а смиренный, погожій старикъ. Мужики-то здѣшніе, слышь, не нахвалят-ся имъ...

Въ это время мы подъѣхали къ селу, и ямщикъ, по общей страсти всѣхъ ямщиковъ, съ гикомъ пустилъ лошадей въ скачъ по широкой улицѣ села, устланной сплошною гатью, и не безъ усилія осадилъ ихъ передъ воротами земской квар-тиры. Дѣло, вызвавшее прїѣздъ мой въ Бунгуръ, задержало меня въ немъ на нѣсколько дней. Послѣ разговора съ ям-щикомъ, описавшимъ мнѣ въ такихъ привлекательныхъ чер-тахъ личность Бунгурскаго поскотника, я совершенно забылъ объ немъ... да и мало ли доводилось мнѣ на своемъ вѣку, при постоянныхъ разъѣздахъ изъ села въ село на разстоя-ніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, слышать самыя разнообраз-ныя рассказы о личностяхъ, выдававшихся въ глазахъ кре-стьянъ, какими нибудь особенностями. Но случай совершенно неожиданно столкнулъ меня со старикомъ Ларіономъ. Спустя два дня послѣ прїѣзда моего въ Бунгуръ, прождавъ часовъ до двухъ крестьянъ, вызванныхъ мною для вопроса изъ бли-жайшей къ Бунгuru деревни и убѣдившись, что они не при-будутъ ранѣе слѣдующаго дня, я пошелъ побродить отъ ску-ки по окрестностямъ Бунгура. День былъ жаркій. Выйдя за черту села въ поскотину, я пошелъ полемъ вправо къ опуш-кѣ березовой рощи, часть которой захватывалась изгородью поскотины и, войдя въ рощу, направился тропинкой, вив-шейся среди густыхъ частыхъ березъ, листва которыхъ, пе-реплетаясь въ воздухѣ, образовывала надъ головою сводъ,

дававший тѣнь и прохладу. Дойдя по тропинкѣ до крутаго берега рѣчки Бунгуръ, я пошелъ берегомъ, любуясь бурливымъ теченіемъ ея, мчавшимся почти водопадами среди груды камней, заграждавшихъ ей путь. Крутые, глинистые берега, ежегодно подмываемые и осыпавшіеся, были очень живописны. Они спускались къ рѣчкѣ иногда отвѣсной стѣной, обнажая то синеватые, то желтые и розовые пласты глины, — и сочетаніе этихъ красокъ съ густой и сочной зеленою травой и росшихъ на вершинѣ деревьевъ придавали имъ чрезвычайно оригинальный видъ. Иногда берега были изрыты уступами, висѣвшими наклонно надъ потокомъ, и росшія на вершинѣ ихъ деревья, казалось, едва держались, такъ что обнаженные корни ихъ висѣли на воздухѣ, точно гнѣзда какой нибудь гигантской птицы. Повидимому, достаточно было промчатся болѣе порывистому вихрю, чтобы весь уступъ съ росшими на немъ деревьями рухнулъ въ потокъ. Порою рѣка круто заворачивала вправо или влѣво и совершенно скрывалась изъ глазъ въ густой заросли молодыхъ березъ, лѣпившихся внизу по берегамъ ея, и затѣмъ вновь выскакивала, какъ шальная, и пѣнистыя струи ея, казалось, катились съ удвоенною яростію. Увлеченной разнообразіемъ этого дикаго ландшафта, я не замѣтилъ, какъ зашелъ слишкомъ далеко, и глухой ударъ грома, неожиданно раздавшійся вдали, заставилъ меня остановиться. Съ востока медленно плыла совершенно черная, грозовая туча, и глухія, частыя раскаты грома предвѣщали одну изъ тѣхъ грозъ, какія рѣдко проходятъ безъ несчастій. Надо было спѣшить укрыться отъ дождя и грозы, которая всего опаснѣе въ лѣсу. Я спустился внизъ къ рѣчкѣ, съ трудомъ придерживаясь за сучья деревьевъ, росшихъ по склону. Перейдя Бунгуръ въ бродъ по камнямъ, я съ трудомъ поднялся на кручу противоположнаго берега, предпочитая идти прямымъ путемъ, который скорѣе привелъ бы меня къ селу, чѣмъ тотъ, которымъ я шелъ. Въ это время солнце скрылось уже за тучей, въ воздухѣ наступила

удушливая тишина, обыкновенно, предшествующая грозѣ... Я бѣжалъ по незнакомому мнѣ лѣсу, поминутно спотыкаясь о валежники и толстые корни деревьевъ, выступившіе наружу и заросшіе густою травой, доходившей иногда до колѣнъ. Назойливое карканье воронъ, съ шумомъ ютившихся въ листьѣ березъ, также предвѣщало наступающую бурю. Меня скоро охватила мгла... раскаты грома становились все рѣзче и рѣзче... молнія, прорѣзывая лѣсную чашу, ослѣпляла глаза... Крупныя, хотя и рѣдкія еще капли дождя стали похлопывать по листьѣ, начинавшей уже трепетать отъ повѣявшаго теплаго вѣтра. Въ это время я выбрался изъ лѣса на поляну; весь небосклонъ былъ сплошь охваченъ тучей... вдали за виднѣвшимся селомъ шелъ уже проливной дождь, спускаясь сплошною темною синевой. Не болѣе, какъ саженьхъ во ста отъ того мѣста, гдѣ вышелъ я, виднѣлась изгородь поскотины и землянка старика Ларіона. Я побѣжалъ къ ней, и только что успѣлъ войти въ ворота поскотины и постучаться въ низенькую дверь землянки, какъ хлынулъ дождь съ градомъ величиною почти въ горошину.

— Ой погодка... ну бѣ-ѣ-ѣда, кого захватить въ полѣ!— произнесъ старикъ, пропуская меня въ свое душевное, низенькое жильѣ. Войдя въ землянку, я ничего не могъ видѣть кругомъ себя, такъ какъ крошечное оконце или вѣрнѣе отдушина вѣроятно, и въ ясную-то погоду пропускала очень мало свѣта, при наступившей же почти ночной мглѣ, въ землянкѣ было темно, какъ въ могилѣ.

— Ну, счастливъ ты, баринъ, што во время добѣгъ!—съ худо-скрытой ироніей въ голосѣ произнесъ старикъ.—Постой ужо я засвѣчу для твоей милости жировичекъ, вишь палаты-то у меня не пибко штобы свѣтлыя! говорилъ онъ, шаря въ углу землянки и бормоча про себя: „вишь, куда запало... штобъ тебя Богъ любилъ!“ Затѣмъ онъ сталъ вырубать огнивомъ огонь и, приложивъ къ труту длинную сѣрную спичку, зажегъ фитиль въ небольшой глиняной плошкѣ, наполненной жиромъ.

Все время, пока онъ вырубалъ огонь и зажигалъ жировикъ, я стоялъ на одномъ мѣстѣ, не смѣя пошевелиться въ темнотѣ изъ боязни споткнуться на чтонибудь. Засвѣтивъ жировикъ, старикъ поднесъ его къ самому лицу моему, какъ бы желая лучше рассмотреть меня.

— Милости просимъ, батюшка... погости ужо, присядь, авось погодка-то и скоро перейдетъ на твое счастье... Не шибко, штобы красно у меня было здѣсь!.. съ ироніей продолжалъ онъ, ставя жировикъ на доску, замѣнявшую столъ. Ну да все лучше, чѣмъ въ полѣ-то подъ капелью быть!..

Землянка, жилье Ларіона, была дѣйствительно, некрасна на видъ и могла удовлетворять только человѣка съ самыми неприхотливыми требованіями. Это, просто, былъ четырехугольный срубъ, не болѣе двухъ съ половиною аршинъ вышины. Стоя съ Ларіономъ другъ противъ друга, мы занимали почти все свободное пространство въ ней. У стѣны на правой сторонѣ лежали двѣ доски, а на нихъ—свѣженакошенная трава вмѣсто перины; въ изголовьи лежалъ полушубокъ и узелъ грязнаго тряпья, вѣроятно, замѣнявшей подушку. Доска, на которой стоялъ жировикъ, освѣщавшій тускло-багровомъ свѣтомъ только ближайшіе предметы, распространяя вмѣстѣ съ тѣмъ удушливый, сальный запахъ,—замѣняла повидимому столъ. На этой доскѣ валялись клочки береста, лоскутья синей, розовой и бѣлой фольги, осколки отъ простого стекла, ножъ, шило—и тутъ же въ кусокъ грубаго сѣраго сукна было воткнуто нѣсколько швейныхъ иголъ различныхъ величинъ. У стола стоялъ, вмѣсто стула, деревянный обрубокъ. Въ углу—небольшая кадушка съ водой, надъ нею полочка, на которой виднѣлся берестяной туясъ, деревянная чашка и на ней краюха чернаго хлѣба. Сырой, затхлый воздухъ въ землянкѣ отъ плотно припертой двери, въ которую хлесталъ теперь дождь, сдѣлался невыносимо удушливъ. По бревнамъ сруба, слегка покрытымъ зеленоватою плѣсенью и небольшими гнѣздами мелкихъ, бѣлыхъ грибовъ, мѣстами уже просачивалась вода отъ

дождеваго ливня. Вода капала мѣстами и съ потолка, протекая чрезъ дернѣ, которымъ была выкрыта землянка. Я сѣлъ по приглашенію старика на обрубокъ, стоявшій у доски, на которой были разложены его инструменты по выдѣлкѣ тавлинокъ. Самъ Ларіонъ прислонился къ стѣнѣ въ углу, и сѣлъ на кровать, уступая только моей просьбѣ.

— По дѣлу ходилъ... аль такъ погулялъ, батюшка... што непогодъ-то захватилъ? полюбопытствовалъ старикъ, пристально смотря на меня своими щурившимися глазами.

— Гулялъ, Ларіонъ Маркычъ!.. отвѣтилъ я.

— Откуда же ты, батюшка, узналъ это мое-то имя, отчество?... удивленнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Ямщикъ сказалъ прошлый разъ...

— Памятливъ же ты, погляжу... памятливъ!.. повторилъ онъ, покачавъ головой. „Ларивонъ Маркычъ“, снова повторилъ онъ и усмѣхнулся? „Д-и-иковина!“ протянулъ наконецъ онъ.

— Какая диковина, въ чемъ? спросилъ я.

— Я такъ... это, батюшка, про себя промолвилъ!.. уклончиво отвѣтилъ онъ. Вишь погодка-то какъ расходилась, а?... началъ онъ, какъ бы желая избѣгнуть дальнѣйшихъ распросовъ. Ну, кому чего, а нашимъ мужичкамъ все—горе... Экой полой... да градъ о-о-о... не одного изъ нихъ безъ хлѣба оставить... Гляди, какъ хлѣбъ-то выбьетъ, али повалить... ну — да Божья воля. Я, признаться таки, съ утра чуялъ, што быть погодкѣ... Моя-то уже примѣта не обманетъ!

— Какая же у тебя примѣта?..

— А такъ скажу, милостивецъ, што коли къ непогодѣ когда такъ всего-то тебя разломить, каждая ровно косточка въ тебѣ скрипитъ, да ноетъ... измучаешься весь...

— Старъ ужъ ты, Ларіонъ Маркычъ, а-а?..

— Не старъ бы еще... какіе года!.. Другой въ мои-то годы ишо женится, да робятъ плодитъ... успѣвай только баба поварачиваться... Какіе мои годы... полвѣка, не болѣ отмѣрялъ-то!... Муки-то не мало принялъ... вотъ и сказывается подъ старость-то!

— Какой же муки!

— Аль не знаешь ты меня?... пытливо посмотрѣвъ на меня, спросилъ онъ.

— Не знаю!..

— Ишь вотъ... Ямщикъ-то твой имя и отчество сказалъ небось тебѣ, а кто я и не повѣдалъ... Ну, я ужю увижу его, соловую голову... погоди-и! не то съ ироніей, не то шутливо произнесъ онъ. Ну, коли не знаешь, такъ и я не скажу...

— Отчего?

— А не ровень часъ... еще испугаешься.

— Чего же пугаться-то мнѣ...

— Чего-о-о?... насмѣшливо протянулъ онъ, и сѣрые глаза его сверкнули какимъ-то лучистымъ огонькомъ. Энто нынѣ, батюшка, скажу тебѣ... началъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія... ѣхалъ мимо не то купецъ, не то што... а полагать болѣе надоть, што купецъ... Тарантасъ это отмѣнный... такой... ну и все прочее при немъ по хорошему... видать, што богатѣ-ѣй! Ладно!.. Подъѣхалъ это къ поскотинѣ-то и кричить: о-отворяй! А я-то, сказать тебѣ, позамѣшкался чего-то въ ту пору... Хорошо! Выхожу это, отперъ ворота,—отперъ это я ихъ, а онъ и напустился на меня: я тебя, говоритъ, такой-сякой развѣтакой... развѣ ты смѣешь задерживать проѣзжихъ, а?... На то рази приставленъ тутъ, штобъ спать, а?... Да я тѣ, говоритъ, такъ и такъ... А я стою супротивъ его, слушаю... Выкричался онъ, утихъ. Ну, думаю, не великъ ты кобелекъ, да лай-то звонокъ!.. Глянулъ ему это въ самое, почестъ, лицо—да и молви: А ты, говорю, добрый молодецъ, погляди-ка наперво: какое тавро-то на мнѣ стоитъ, а?... Эхъ, ты, говорю, кудельная смычка! Да вѣдь у меня, говорю, въ спинѣ-то восемьдесятъ плетей лежитъ, а што кнута межъ реберъ напругано и не сочтешь... и ты это меня испугать задумалъ, а?... Вѣдь мнѣ, говорю, такую-то ворону, какъ ты, пришибить то легче, чѣмъ въ горсть воды за-

черпнуть... знаешь ты это, а?... Помертвѣлъ вѣдь, батюшка, онъ, какъ глянулъ это на меня-то... вѣрь не вѣрь!.. Словно листъ вотъ на осинѣ—задрожалъ весь... лепечеть, лепечеть чего-то, а слово-то ровно не выходитъ у него... И разбери же меня смѣхъ... А-а-ахъ ты, думаю, аршинный воевода! Глотка-то шире котла, а сердце-то уже лапы заячей... Такъ вотъ ты, батюшка, у какого богатыря въ гостяхъ-то сидишь, да еще Ларивономъ Маркычемъ величаешь, а къ лицу-то мнѣ одна только кличка—варнакъ *)... не то съ ироніей, не то съ горечью закончилъ старикъ.

Въ это время, казалось, надъ самою землянкой раздался оглушительный ударъ грома... Я невольно вздрогнулъ. Старикъ трижды перекрестился, произнося полушопотомъ „Святъ... Святъ... Святъ“...—Ну и пого-о-одка! протянулъ онъ, выдвигая изъ угла кадушку съ водой, такъ какъ у двери, по бревнамъ землянки, уже текла дождевая вода, мѣрно капавшая на земляной полъ.

— Ты давно живешь здѣсь, Ларіонъ Маркычъ?.. спросилъ я, когда онъ снова сѣлъ.

— Въ Бунгурѣ-то, а въ Сибирь-то давно ли пришелъ, спрашивашъ ты? переспросилъ онъ, скрестивъ на груди руки.

— Въ Бунгурѣ?

— Давненько ужъ, батюшка, народъ-то здѣсь порчу, а особливо бабъ, да дѣвокъ,.. никакъ годковъ пять, а въ и всѣ шесть будетъ время-то!.. Обжился ужъ! отвѣтилъ онъ.—Старожиль!

— Какъ это, бабъ да дѣвокъ портишь? Чѣмъ?

— Колдую!..

— Ты колдуешь! да развѣ ты знахарь?..

— А ты какъ бы, батюшка, полагалъ, а?... смѣясь, отвѣтилъ онъ. За мной, братъ, ремесловъ-то много водится... про-

*) Варнаками называютъ въ Сибири каторжныхъ. Слово „варнакъ“—самое позорное, ругательное слово на языкѣ сибирскихъ крестьянъ.

мышленный человек! съ ёдкой ироніей замѣтилъ онъ. Всякій наговоръ знаемъ, отъ какой хошь болѣзни ослобонимъ, и напустить сможемъ... Всякій грѣхъ водится...

— Я думалъ, ты только однѣ тавлинки дѣлаешь?

— Забавляемся и тавлинками... одно другому не препятствуетъ, батюшка...

— Покажи-ка мнѣ твою работу, попросилъ я.

— Изволь, изволь, кормилецъ... погляди... одобришь-ли!.. сказалъ онъ, вставая, и взявъ въ руки жировикъ, нагнулся и выдвинулъ изъ-за досокъ, служившихъ ему кроватью, небольшой деревянный ящикъ и раскрылъ его.

Я заглянулъ въ ящикъ: въ немъ хранилось свернутое въ трубку бересто, тщательно очищенное и приготовленное для работы; въ ящикѣ, какъ и на столѣ, валялись стекла, клочки бумажекъ, повидимому, съ рисунками, фольга, кисеть, спитый изъ ситцевыхъ доскутковъ, въ которомъ, можетъ быть, хранился и весь необширный капиталъ старика, и нѣсколько готовыхъ уже тавлинокъ различныхъ величинъ.

— На-ка, погляди, кормилецъ!.. произнесъ онъ, поднимаясь и подавая мнѣ двѣ выбранныя имъ тавлинки совершенно одинаковой величины и, закрывъ ящикъ, снова поставилъ жировикъ на доску, замѣнявшую столъ.

Обѣ тавлинки были не болѣе полутора вершка каждая въ діаметрѣ; крышки ихъ были сдѣланы изъ гладко-очищеннаго дерева. Болѣе всего, конечно, привлекли мое вниманіе замыселъ и выполненіе рисунка на такомъ неблагоприятномъ матеріалѣ, какъ бересто. Глядя на эту работу, на обстановку, въ какой производилась она, и на лицо художника, стѣсненное роковыми буквами К. А. Т.,—мнѣ невольно пришла мысль: какъ много талантовъ гибнетъ въ нашемъ народѣ, не находя никакого исхода для развитія и проявленія себя—и кто знаетъ: можетъ быть, самый талантъ, скрытый въ человѣкѣ, брошенномъ судьбою въ темную среду, служить и роковою причиною его гибели.